

диктатора в основном, как и прежде. Себя...
Могут еще добавить, что по первой книге военных хронистов «Маршалы на заслугу» Центрального телевидения снят драматизированный фильм «Киевенок», в котором главная героиня — группа, которая работала над телефонным «Темном» из этого романа.

Вторая книга «Вечного земли» рассказывает о жизни страны в конце войны и в послевоенный период. Она охватывает время с 1943 по 1962 год. В первом чтение встретились с героями, которые ему уже знакомы по первой книге: Иван Субботин, Яков Савельевыми, братьями Абдулами, Пантелейоном Назаровым и многими другими. Прослеживаются в дальнейшие судьбы: кроме сказанных сюжетов нашего народа, на экране показаны путь, в котором и в романе: возникают новые герои, новые обстоятельства. Масте-

койся, если можешь... Всю зиму Акунина побудет с собой.

— Нет... Я побью к себе в набит. Что же... надо работать. Надо работать.

— В Шантару ехать я тебе запрещаю. На плечи ко-го-нибудь другого посыпь.

— Нет, а сам поеду, — упрямится отец из белой головы.

Когда Иван Михайлович Субботин вновь шел через пресную, солнечные полосы, блеск из снега и гастиравшись по паркетному полу, были черными, и он смотрелся на них.

БЫЛО 2 августа 1943 года, день стоял безветрен-

На берег Громотухи окликнуло: «Иван! На вос- красном базаре. Гадели в краинах лапши, на разные головы зевали и хранили пиль, склоняли при- бреожную гальку, на которой на лошадях тянули из воды мокрые, жалкие бревна. Их распиливали где же, вру- ту, на доски, на брусья, соорудили для этого насосные колеса, склоняли к воде, а оттуда грунты на автомашину и подводы, увозили».

На переключенных еще плотах купались ребяташи, с ходом и взбитом приглуши в воду, подмыла тучи брызги. Старушки и женщины подбирали дрессированную кору и щепки, всякие обрубки и опилки, сизымали в вязанки или на- гружали ими ручные тележки и увозили в себе домов — на тепло.

Над рекой по склону берегу стоял густой и холодный за- пах коры и сосновых спиц.

— Корово, а? — воскликнул Субботин, оглядывая всю эту трудную суматоху. — Бесено!

— Оно весело, пока с тучи не наехает... — сказал Филат Федотович. Он стоял рядом, простоволосый, принял груди залымянных старинной науки.

Секретарь райкома партии Кружилин только что по-встречал Субботина с ним, сказав:

— Всю, Филат Федотович, и приплывам нам лес с вер- товкаем Громотуха.

— Так ты не забудешь — и наградам.

— Ради такого забудешь?

— А после пленума... Полицари, мы с тобой кое-куда сходим: от этой скамьи Акунина Тарасову, бывшей жене Филата Федотовича. Передалась я им от меня помойки?

— А как же. Размазан и ее.

В девятом патом и совершил побег на Александровский склон. А она с якорем, кистями, головой развалилась. В тайге, и всстроена эмалью, да белеса...

Давно было, с будто вчера. И все же перед глазами стоят... Сегодня еще раз хочу зайти к ней попрощаться... — И, вспомнив что-то хорватское, гордо и живо добавил: — Ну, ладно, ладно, яко по своим делам, а я и себе.

Не провожай дальше! Через час-полтора и приду в рай-комитет.

Повернулся в перегородку в пешую. Кружилин, загодя не знал, тема на них в оглашении. Но секретарь обкома шагал твердо, ноги славили кремни, худые щеки его почивали в такт шагам. Не обременяясь ими, он спирался за дверь вроткой, в четвертом комитетском, швартарской гостинице, которая называлась историей «Швартарк дом колхозников».

НЕ ПРИЧЛЮСЬ больше Ивану Михайловичу Суббо- тину возвращаться по полюм, склонять к Акулину Тара- сову. Конфузов, нараспашку ждал его на заводе. Последний раз подышал он в это день чистым речным воздухом, напоследок захлопнул сапоги и склонил голову, последний раз глядел на сверкающую воду, на кувашких ребяташи, не чистое голубые небо.

Он вспомнил, как вчера тщетно пробыл по уз- кому коридорчику засланных домов. Но, забыв в свою компанию, где всегда остановлялись при наехалах в Шантару, он когда-то остановился и стоял. Постоял, он, кое-как лежал, на тумбочки, налил в стакан воды, наполнил туда валерьянки. Выпил ее, упал на кровать и стал из- глатывать воздух. Пот со лба и шек скатывались крупными горошинами. В груди была сплющенная болта, которая застывала в горле.

Через некоторое время его чуть отпустило. Он, вяз- ная птица, покидала стены, поднялся, шагнул к дре- вяному киеву и, держась за кости, чтобы не вывалиться в коридорчик, пошел.

— Марусь, милая...

Марусь — тогда, угрохавшая кинесину в мужском пидже- ве, когда ее драли из драки с толпой и побирания этой гостиницы, тотчас выплыла из ее смеси нахоры, где у нее хранились веники, ведра, тряпки для мытья полов и где она жила сама...

— Будь доброй, Марусь... Ты, может, знаешь?

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Спасибо.

— А после, как позовешь ее, в районный зайди. Кружи- лину скажи, что пришел.

— Ладно.

Иван Михайлович, что Иван Михайлович, был в Шантаре, выбрал ноги на краину и зажалжал к оливковому ста- рухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали давнее юродство и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей одолжак икакую-то помощь, но та насторожилась:

— Еще чего не盼! — отказалась она.

Но Иван Михайлович не отступал:

— Будь доброй, Марусь... Ты у нас кишит такая ста- руха...

— Ну? Этой бабушке Акунина, что ли?

— Мне очень нужно... Позвони ее, пожалуй-

ста, если она дома. Слушай, Марусь...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

ЧИТАТЕЛЬ РАСКАЗЫВАЕТ О ТОВАРИШЕ

Борис ЧЕРЕШНЕВ в «ЛГ» № 25, 1975 г.—он выразил многочисленные отклики. Но еще и прадед не этой публикации, отвечая не читательским, а членским письмом, напечатанным в «ЛГ», рассказал о некотором обстоятельстве жизни Александра ЧЕРЕШНЕВА.

Сандра ЧЕРЕШНЕВА, его дочь, с мужем профессором, в труде на шахте и строительстве Нуринской ГЭС. «Сегодня» «ЛГ» печатает новую работу своего постоянного читателя-корреспондента — Сандры о товарищеской помощи.

А. ЧЕРЕШНЕВ пишет утром и много, в печати спустя.

Печатает то, что представ-

ляется ему общественное важное, необходимое. Интересному труду отдает не дни, а годы. Все главное время забирает работы, дома, в коттедже почти все от подвала до крыши, построено собственными руками, воспользовавшись дружеской-напоминкой. За плечами ЧЕРЕШНЕВА

Нурин — с агогодой — на одном из ежедневных предприятий СибэнергоСибэнергомаша. Сквозь работой большого автомо-

била дорогого это соединение инженерной культуры А. ЧЕРЕШНЕВА — она ведь наследие у нашего человека — и типические черты современного, в котором так сильно творческое начало.

А. БОРЩАГОВСКИЙ

Александр ЧЕРЕШНЕВ

ОЧЕРК

ПРОСТО ЗАВГАР...

ПЕТРОВИЧ приглядел поудобнее чемодан и укладкой посмотрел на жену. Она сидела, хмурая и беззрельно глядя перед собой. «С таким настроением начинать день! — подумал он, — тому не ходи». Однако и сам ту же притих.

Пришел, потому доверенности, Вася с бензовозом:

— Ну что, Петрович, поздравляй?

— Перевалили через реку, к Петровичу ясно, словно вчера было, вспомнил, как приехал они, перекроили, перепроходил, в тот же час между бурлящей речушкой и Енисеем, драматическая гористка деревенских изб. А теперь длину послековычи уложили, пожалуй, и в десяток километров...

— Всас, а ведь я с тобой последней раз ехал.

Василья растянула губы в веселую усмешку:

— Иль помирать собрался?

— Нет, Василь, ухожу на леспромхоз.

— Смеешься, Петрович!

— Серьезно говорю.

Василь долго сопел за берендей. Потом повернулся к супругам:

— Значит, тоже за легкий жизнью и длинным рублем?

Петрович не рассердился: молод и зелен был, парень, в сорок лет, когда супружеским союзом.

Эх ты, Василь! Не за легкую жизнью, а от слишком тяжелой. Ты вот гонишь машину, машину на всю железу, чтобы пораньше поспеть на мефедробу, не спать в очереди. Быстро-кошко залапалась — и назад. Часы в три уж и машина постарше, домой пойдешь... А я? Сломалась рессора — «Петрович, дай!» Кабордогор забрался — «Петрович, дай! Крутись, Петрович, доставай, корынгизывайся». А зарялте у Петровича, как два раза меньше, чем у Василья. Так как же Иль штаны для моих парней стоят забор мешают, чем колготки для твоих мальчиков?

— Да и что, я — ничего, — смущенно пробормотал Василь.

— Я — ничего, — передразнил Петрович, досадуя и не сбываю: разве тут только о рубле?

КАНДЮЕ утром, едва входя в ворота горячка, обступили люди. Шофер протягивал шестерню со сломанными зубами. Демонстрация! Такими жинками не только не только на складах леспромхозов, но и в ближайших автозаводах. А женщины с усыпленными лицами гермошлемами, жестами, отрывистыми.

Петрович, поклон. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, в бане насос сломался...

А старческий голос в трубке:

— Петрович, я за болезнью. Коровина у меня дома тяжелый, болит, корову с корытом скручивает до сказки. Поставь директора и конюхину с ним, пусть привезут с полосой однажды, а как выпишешь, все оплачу и кантинцию привнес. Будь добр, Петрович!

Все днем даже уши скрипели, добрые люди отдаются, а он вся силы потратил на гарему, промята на больные ноги, простуженный в молодости не лесославие.

А все-таки хоть с тредом, никогда на пределе, а план они выполняли. Лицо в сорбо трудные месяцы, когда жестокие «эпидемии» сорвались с выдающихся к ковырям и продолжительности непогоды, да к этому привлекались крайнее неудобство погруженных площадок, которые лепились на початых горячих горячих ручьев и раковине, случались срывы с выхвоста леса. Директор в эти дни висел над душой:

— Петрович, давай машину...

Одно остается Петровичу: обзаводиться все автозаводами в различную борьбы сотни километров...

— Борис, выручай. Ах, Иль, спасай!

Но вдруг: нигде, кроме леспромхозов, нет автомобилей марки «МАЗ-509». Попробуй достать передний или промежуточный карданс, коробки или шестерни различной коробки! Нет их на «МАЗах» другого моделью. Задний кардан есть, но динка нет. Вертиш, Петрович! Отрезай и привариши. Иль и добавится прыжки скрипки, а кто и нет у тебя в гараже, вспомнишь непогоду.

Будь добр, Петрович!

Здесь даже уши скрипели, добрые люди отдаются, а он вся силы потратил на гарему, промята на больные ноги, простуженный в молодости не лесославие.

А все-таки хоть с тредом, никогда на пределе, а план они выполняли. Лицо в сорбо трудные месяцы, когда жестокие «эпидемии» сорвались с выдающихся к ковырям и продолжительности непогоды, да к этому привлекались крайнее неудобство погруженных площадок, которые лепились на початых горячих горячих ручьев и раковине, случались срывы с выхвоста леса. Директор в эти дни висел над душой:

— Петрович, давай машину...

Оставалось дождаться борьки с шофера, которые занялись ворованием. Напомнили на лицо Бородину улыбку:

— Ну как у вас орлики-соколики?

Трое «умышленников» скакоником — экипаже пескозавода — цеплят не-эпизодично:

— Да вот...

— Чья очередь?

— Чья моя... некто молчит один: — Утром поеду.

— Иной совет, Петрович! Мы сегодня же отработали. Как залезли в сень утра под машину, так и не вылезли.

— Мить, дорогой Ты же — старый кадр! Ну правильно ты говоришь, все правильно, в как-нибудь, Мить!

— Кажи-бум... якорь Мита, трогая замасленной рукой седую щечку на щеках. — Побирься не дадите...

— Не успевает стукнуть шум «вытолнитной» Митиной машиной — телефон!

— Ну, вытигите чисти-чисти!

— В бане вытигите один машину. Стави еще две.

— Ф-ф... Ты думашь, что прийтесь тебе Петрович!

Вот тебе и награда. Петрович! За все сразу.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Дальше будет видно.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм! Над которым не виляет птица на вывеске лесовозов!

Будь добро! Это легко, если видишь не просыпа, а человеком. Старуха, согнутая возрастом с болезнями, истерзанная душевно-сильно, страдала, спасибо, что не умерла.

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просыпа. Погоди, он тебе укажет, может, бросит.

И снова:

— Петрович, поздравляй! Пока.

Сразу же кварту — трехкомнатную, с газом, горячей водой, с водой из центрального отопления. Когда называли сумну звягтили, она едва повернула: понти вдвое больше его коровы. И это — механизм!

Петрович, помолчи. Сын явился без просы

ПОВЕСТКА ДНЯ:

